

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-378-389>
EDN: JWKALB

Научная статья / Research Article

Конституционное правопонимание: историко-теоретический и отраслевой аспекты

М.Р. Ромашова¹, В.Ю. Панченко^{2,3,4,5,6}

¹Северо-Западный институт управления (филиал РАНХиГС), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Всероссийский государственный университет юстиции, г. Москва, Российская Федерация

³Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация

⁴Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

⁵Московский университет имени А.С. Грибоедова, г. Москва, Российская Федерация

⁶Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

7029807@mail.ru

Аннотация. В контексте конституционного права России проблема трактовки Конституции традиционно сводилась к различным взглядам на нее как на писанный документ с особым политико-правовым статусом. В разные периоды отечественной истории Конституция воспринималась по-разному, что отражалось в разных пониманиях соотношения Конституции и государства, Конституции и законодательства, Конституции и прав человека. Одной из важных аспектов для трактовки Конституции являлось взаимодействие между Конституцией и конституционализмом, а также государственным и конституционным правом. В рамках данной проблематики объектом выступает феномен конституционного правопонимания, рассматриваемый как теоретико-праксиологическая конструкция, которая объединяет научные взгляды и эмпирические представления, отражающие формальные и содержательные особенности Конституции и конституционного права на разных этапах развития правовой системы России. В статье исследуется проблема правопонимания и законопонимания в отечественной правовой традиции, понимание Конституции в контексте циклического политогенеза, а также проблема конституционного правопонимания в контексте концепции «живой» Конституции.

Ключевые слова: Конституция, правопонимание, циклический политогенез, концепция «живой» Конституции, история российской государственности, конституционное правопонимание, закон

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Поступила в редакцию: 08 ноября 2023 г.

Принята к печати: 15 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Ромашова М.Р., Панченко В.Ю. Конституционное правопонимание: историко-теоретический и отраслевой аспекты // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 2. С. 378–389. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-378-389>

**Constitutional legal understanding:
historical, theoretical and sectoral aspects**

Maria R. Romashova¹ , **Vladislav Yu. Panchenko**^{2,3,4,5,6}

¹Northwestern Institute of Management (RANEPA branch), Saint Petersburg, Russian Federation

²All-Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

³Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

⁴Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

⁵Moscow University named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russian Federation

⁶Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

7029807@mail.ru

Abstract. In the context of the constitutional law of Russia, the problem of interpreting the Constitution has traditionally been reduced to different views on it as a written document with a special political and legal status. In different periods of Russian history, the Constitution was perceived differently, which was reflected in different understandings of the relationship between the Constitution and the state, the Constitution and legislation, the constitution and human rights. One of the important aspects for the interpretation of the constitution was the interaction between the Constitution and constitutionalism, as well as state and constitutional law. Within the framework of this problem, the object is the phenomenon of constitutional legal understanding, considered as a theoretical and praxiological construction that combines scientific views and empirical ideas reflecting the formal and substantive features of the Constitution and constitutional law at different stages of the development of the legal system of Russia. The article explores the problem of legal understanding and law understanding in the domestic legal tradition, the understanding of the Constitution in the context of cyclical politogenesis, as well as the problem of constitutional law understanding in the context of the concept of a «living» Constitution.

Key words: Constitution, legal understanding, cyclical political and legal genesis, the concept of a «living» constitution, the history of Russian statehood, constitutional legal understanding, law

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: Undivided co-authorship.

Received: 08th November 2023

Accepted: 15th April 2024

For citation:

Romashova, M.R., Panchenko, V.Yu. (2024) Constitutional legal understanding: historical, theoretical and sectoral aspects. *RUDN Journal of Law*. 28 (2), 378–389. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-378-389>

Введение

Типология и методология правопонимания традиционно исследуются в рамках теоретико-исторической правовой науки, при этом отраслевая и прикладная юриспруденция в большинстве случаев опираются на нормативистскую концепцию, в соответствии с которой «действующим» правом являются только те нормы,

которые обличены в установленные (признанные) действующим законодательством юридические формы.

Для конституционного права России проблема конституционного правопонимания традиционно сводилась к совокупности взглядов на Конституцию как на писанный документ с особым политико-правовым статусом. На различных этапах отечественной государственной истории конституция воспринималась по-разному, соответственно изменялись взгляды на соотношение Конституции и государства, Конституции и законодательства, Конституции и прав человека. Не менее значимой для конституционного правопонимания являлась проблема взаимосвязи Конституции и конституционализма, а также государственного и конституционного права. «В этой связи вполне логичным может выглядеть понимание Конституции не только в качестве Основного Закона государства, но и как нормативной основы, политико-правового ядра высшей формы правового сознания, имея при этом в виду понимание самой конституции не только в ее формально юридическом, но и в мировоззренческом, политико-идеологическом выражении» (Bondar, 2013).

В качестве объекта исследования в рамках обозначенной заявленной темой проблематики предлагается феномен конституционного правопонимания, как теоретико-праксиологической конструкции, объединяющей научные взгляды и эмпирические представления отражающие формальные и содержательные особенности конституции и конституционного права на определенных этапах государственно-правового развития России.

В качестве базового метода рассмотрения конституционного правопонимания предлагается метод циклического право- и политогенеза, в соответствии с которым историческая динамика российской государственно-правовой системы представляет совокупность замкнутых дискретных (разорванных) циклов (монархического, советского республиканского, президентского республиканского), характеризующихся особым отношением к форме государственного правления и территориального устройства, а также к пониманию права вообще и государственного/конституционного права в частности (Romashov, (eds.), 2021a; Romashov, 2020). При этом, имея принципиальные формально-содержательные отличия друг от друга, государственно-правовые циклы российской истории сходны в одном, все они выстроены по принципу персонификации иерархической системы публичной власти, в которой определяющее значение имеет властное волеизъявление конкретного физического лица – человека занимающего высшее положение в аппарате государственной власти и воспринимаемого «ближним и дальним» окружением в качестве «хозяина земли русской» (Kartashov & Akorov, 2005).

Проблема правопонимания и законопонимания в отечественной правовой традиции

Прежде всего следует определиться с пониманием права и закона как объектов научного познания. Представляется, что названные феномены наполняются различным смысловым содержанием в зависимости от национальной правовой системы, в рамках которой они задействованы.

Для англо-саксонской правовой системы «law» и «right» – это разные понятия, называемые разными словами.

Термин «law» переводимый на русский язык как «закон», представляет название права в объективном не зависимом от субъективного волеизъявления смысле. Следовательно, конструкцию «natural law» следует переводить не как «естественное право», а как «естественный/натуральный закон», а «common law» не как «общее право», а как «объединенный закон». В первом случае независимость law от государства определяется его естественной природой. Natural law возникает не по воле государства представленного совокупностью действующих от его имени людей – равноуровневых государственных чиновников, а в результате объективных природных (божественных) процессов, предполагающих появление у человека с момента его рождения таких неотчуждаемых от индивидуальной личности прав как жизнь, свобода, равенство, достоинство, собственность (в ее трудовом понимании). В свою очередь common law представляет собой собирательное понятие – комплекс формальных источников позитивного права (равноуровневых в плане «юридической силы» статутов, прецедентов, доктрин), на которые опирается правоприменитель в ходе своей регулятивной и охранительной деятельности.

Слово right используется для наименования субъективного права (right to work – право на труд, right to education – право на образование, right to property – право на собственность и др.). Таким образом применительно к английской юридино-лингвистической традиции слова law и right (закон и право), используются для наименования явлений, которым в русском языке наиболее соответствуют категории объективного и субъективного права (Tarasov, 2010).

Применительно к системе исламского права объективным законом, не зависящим в своем происхождении и применении как от воли конкретных людей, так государства в лице государственных органов, является Шариат – предначертанный Аллахом путь, позволяющий правоверному мусульманину жить в благополучии в этом мире и попасть в рай (аль-фирдаус) в посмертии. Шариат не просто нормативная система, это сама жизнь правоверного мусульманина в соответствии с волей Аллаха, своего рода «религиозный закон», в основу которого положено божественное откровение и предначертание (Kuliev, 2020). Право в таком понимании производно от шариата и не представляет собой самостоятельной нормативной конструкции. С учетом того, что жизненный путь любого мусульманина предопределен Аллахом, право, как совокупность материальных юридических форм, не может «творить» закон, а способно лишь интерпретировать воплощенную в Шариате волю всевышнего, не обладая возможностью «выхода за его рамки».

В русском языке слова право и закон используются для обозначения понятий как тождественных, так и различных по смыслу. Так, к примеру, английское слово law, в зависимости от субъективного восприятия может переводиться и как закон, и как право. Словом право, называется и системное явление («международное право», «современное российское право», «естественное право»), и отдельное субъективное право на что-либо (право на труд, право на отдых, право на собственность и др.). В свою очередь слово «закон» применяется и в абстрактно обобщенном контексте («незнание закона не освобождает от ответственности», «закон суров, но это закон», «уголовный закон» и др.), и как название вида нормативно-правовых актов Российской Федерации (федеральный конституционный закон, федеральный закон, закон субъекта). При этом нормативные правовые акты, принимаемые по предметам законодательного регулирования, могут не содержать в своем наименовании термина «закон», хотя по своей юридической силе таковыми являются (конституция,

устав, законодательный указ президента, кодекс). Отмеченная понятийная неопределенность обуславливает неутрачивающую дискуссию относительно соотношения права и закона. Проблемы определения первенства и главенства названных категорий, соотношения естественного права и государственного закона, международного права и национального законодательства, государственного права и прав человека и т.п. представляют собой предметные области, в которых конкретика юридических форм выражения права и юридическая техника правотворческой и правореализационной деятельности «размывается» философско-правовым абстрагированием, позволяющим достаточно «вольно» интерпретировать понятия «право» и «закон» в их русском юридико-лингвистическом восприятии.

Понимание конституции в контексте циклического политогенеза

Метод циклического политогенеза представляет собой направление научного познания государства как системы политической организации населения и механизма публичной политической власти. Являясь специфической формой социально-политической жизнедеятельности, любое государство в своей динамике, проходит этапы возникновения, становления, реформационного прогресса, контрреформационного регресса, стагнации, кризиса, трансформации (разрушения) (Romashov, 2021b).

В тысячелетней истории российской государственности (ст. 67.1 Конституции РФ) представляется целесообразным выделять три цикла политогенеза (монархический/имперский, советский республиканский, президентский республиканский) (Romashov, 2020). Названные циклы представляют собой локальные социально-культурные явления характеризующиеся различными формами правления, целями и ценностными приоритетами, государственными и правовыми механизмами.

Для Российской империи, а точнее, для ныне «популярного в высших кругах» самодержца Александра III, конституция – это «преступный и спешный шаг... фантастический проект... к счастью, отвергнутый Советом министров»¹. Государственное право, как возведенная в закон воля царствующего императора, отрицало конституцию полагая ее документом, идущим в разрез с системой «традиционных ценностей», получивших свое выражение в известной триаде графа Уварова: «Православие – Самодержавие – Народность» (Puin, 2018). Автор триады исходил из положения, в соответствии с которым «Россия – особое государство, отличное от Восточных и Западных стран. Ее специфика определяется не только «срединным» географическим местоположением, но и особенностью политических, экономических, религиозных, социальных и национальных черт, присущих народам Российской империи» (Puin, 2018). Кстати, сходную характеристику содержит Концепция внешней политики Российской Федерации (2023 г.), содержащая положение о том, что «Современное российское государство – Российская Федерация – самобытное государство-цивилизация, евразийская и евро-тихоокеанская держава, сплотившая русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира». Отстаиваемая в Российской империи, равно как и в сегодняшней России приверженность к традиционным ценностям, положенным

¹ Евгений Жирнов. Весь этот фантастический проект был отвергнут // Коммерсантъ История. 13.02.2021. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4691499> (дата обращения: 12.09.2023).

в основу концепции национального (государственного) консерватизма², демонстрирует, персонифицированный субъективизм по отношению к формальной конституции. Для имперской России формальная (писаная) конституция – «антиценность» противоречащая государственной монархической традиции в то время, как для современной России, конституция вполне вписывается в культурно-историческую традицию, опирающуюся на правопреемство Союза ССР (ст. 67.1 Конституции РФ). При этом к правовой сущности конституции как документа закрепляющего основы государственного устройства (не независимо от формы государственного правления), принципы соотношения государства, общества, личности, механизмы организации и функционирования системы публичной политической власти, отмеченное выше отношение со стороны государственной власти (в лице отдельных ее представителей), особого значения не имеет. К примеру, примерно в тот же исторический период (вторая половина XIX в.), когда один российский монарх (Александр II), был настроен на принятие конституционного акта, а другой (Александр III) такую возможность категорически отвергал, писанные конституции были приняты в Османской/Оттоманской (1876 г.) и Германской (1871 г.) империях. Тем самым была продемонстрирована «совместимость» конституции как документа государственно-правового характера с любой формой правления, как республиканского, так и монархического.

Советская власть, провозгласив писанную конституцию «основным законом», воспринимала ее первоначально в качестве временной, рассчитанной на переходный период, предшествующий мировой пролетарской революции (Romashov, 2016). Первая советская конституция (Конституция РСФСР 1918 г.) закрепляла классовую структуру советского общества и узаконивала дискриминацию бывших эксплуататоров, подлежащих «беспощадному подавлению» (ст. 3) и которым «не может быть места ни в одном из органов власти» (ст. 7).

Все последующие советские «общенародные» конституции можно с определенной долей условности дифференцировать на учредительные (Конституция СССР 1924 г., конституции союзных и автономных республик 1925 г.) и этапные (Конституции СССР 1936 и 1977 гг., конституции союзных и автономных республик 1937 и 1978 гг.). Основной целью первых, являлась легализация нового исторического государственного устройства (для СССР – союзное советское социалистическое государство, для советских и автономных республик – государство – республика в составе союзного государства). Этапные конституции были призваны закрепить пройденный этап социалистического строительства (Конституция 1936 г. – «Конституция победившего социализма», Конституция 1977 г. – «Конституция развитого социализма»). Стратегическое планирование государственного развития осуществлялось партийными программами КПСС (1903, 1918, 1961 гг.).

Для системы советского конституционализма была характерна неписанная, однако обязательная для всех субъектов советской федерации традиция, по которой в течение года следующего за годом принятия союзной конституции принимались конституции союзных и автономных республик, дублировавшие основные положения федеративного конституционного акта. Так, к примеру, закрепление в преамбуле

² См.: Галина Мисливская. Путин: Наш консерватизм – это консерватизм оптимистов // Интернет-портал «Российской газеты». 21.10.2021. Режим доступа: <https://rg.ru/2021/10/21/putin-nash-konservativizm-eto-konservativizm-optimistov.html> (дата обращения: 10.09.2023).

Конституции СССР конструкции «советский народ», обусловило ее последующее включение в республиканские конституции с учетом их национальной специфики³.

Новейшую конституционную историю постсоветской Российской Федерации целесообразно делить на два этапа, традиционно «привязанные» к политическим персоналиям – Президентам РФ Б.Н. Ельцину (1991–1999 гг.) и В.В. Путину (2000–2008 гг.; 2012 г. – по наст. вр.). Период правления первого, может быть, с определенной условностью назван «либеральной вестернизацией», второго – «умеренным патриотическим консерватизмом». Если для команды Б.Н. Ельцина конституция являлась инструментом закрепления общечеловеческих (по сути своей западных) ценностей и принципов государственного устройства, посредством которых «новая» Россия должна была «возродиться, подняться с колен»⁴, то для Президента В.В. Путина конституционное законодательство рассматривалось и рассматривается в качестве средства упрочения традиционных ценностей, призванных устранить «исторический разрыв» между монархическим (дореволюционным), советским и постсоветским государством, тем самым выстроив единую историческую линию «Российской Федерации с ее тысячелетней историей» (ст. 67.1).

В современной России, в отличие от Союза ССР, отсутствует унифицированное название региональных конституционных актов. В субъектах-республиках действуют конституции, в других субъектах – уставы. Практически утратила правовую значимость традиция взаимосвязи федеративной и региональных конституций. Так, Конституция Республики Татарстан принята в 1992 г., практически за год до принятия Конституции РФ, Устав Санкт-Петербурга в 1998 г., Конституция Чеченской Республики 2003 г. и т.д. Закрепление конструкции многонациональный народ Российской Федерации в преамбуле и ст. 3 Конституции РФ не получило своего логического продолжения в большинстве конституций национальных республик. В уже упомянутой ранее Конституции Республики Татарстан отмечается, что «Настоящая Конституция выражает волю многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа». При этом о связи названных народов с многонациональным народом России ничего не говорится. То же самое можно сказать о Конституциях Кабардино-Балкарской Республики, Республики Адыгея и др.

В отличие от советских «этапных» конституций действующая Конституция России не имеет цели «фиксирования периода государственной истории» и воспринимается в качестве документа в своем регулятивно-охранительном значении, ориентированного как на современное состояние российской государственно-правовой системы, так и на ее будущее в обозримой перспективе.

Говоря о понимании конституции в современной России, также следует обратить внимание на общетеоретический контекст правопонимания, в котором разграничиваются юридический позитивизм, юснатурализм, социологический, исторический, психологический подходы. Понимание советской конституции, равно как и других советских законов, осуществлялось сугубо в рамках юридического позитивизма. Законодательство в целом и конституция в частности рассматривались как

³ В преамбуле Конституции РСФСР 1978 г. содержалось положение о «народе РСФСР, сознающим себя неотъемлемой частью всего советского народа», такие же положения с уточнением национальной принадлежности народа соответствующей республики, содержали остальные республиканские конституции.

⁴ См.: Ельцин Б.Н. Текст выступления Б.Н. Ельцина после принесения Президентской клятвы (10.07.1991 г.) (два варианта). 1991. Режим доступа: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/9678/> (дата обращения: 12.09.2023).

продукты и инструменты государственной деятельности, подчиненные в своем функционировании государственной целесообразности.

В действующей конституции закрепляется дефиниция Российской Федерации как демократического правового государства, что означает «подчиненность» государства праву. Закрепляя статус конституции как нормативного правового акта высшей юридической силы и прямого действия (ч. 1 ст. 15), ее авторы тем самым стремились подчеркнуть, что конституционные нормы по своей значимости располагаются «выше» норм и принципов как государственного, так и международного права. Закрепление на конституционном уровне неотчуждаемости основных прав и свобод, принадлежащих человеку с момента рождения (ч. 2 ст. 17), а также признание этих прав и свобод непосредственно действующими, обуславливает интегративный плюрализм современного российского конституционного правопонимания, в котором достаточно гармонично сочетаются юридико-позитивистский и естественно-правовой типы правопонимания. Кроме того, можно говорить об историческом типе современного российского конституционного правопонимания, на основании положений ст. 67.1 определяющих Российскую Федерацию как государство с тысячелетней историей «сохраняющего память предков.., признающего исторически сложившееся государственное единство.., чтящего память защитников отечества.., обеспечивающего защиту исторической правды».

*Проблема конституционного правопонимания
в контексте концепции «живой» Конституции*

Концепция «живого» права традиционно рассматривается в контексте социологического типа правопонимания. По мнению одного из основоположников этого направления О. Эрлиха, право, в своем социально-юридическом бытии, по большей части независимо от государства и его аппарата принуждения. Правовые явления как латентно, так и официально (легально) присутствуют в социальных практиках, и как бы только и ожидают социологически «подкованного» юриста, который выделит их из общественных отношений, облечет в юридическую форму и внедрит в юридический механизм позитивного правотворчества и правореализации (Antonov, 2013). Получается, что для «живого» права «в его европейской интерпретации), законодательная форма представляет собой лишь «внешнюю оболочку», изменение (либо отсутствие) которой, не способно ни создать (уничтожить), ни существенным образом изменить объективную по отношению к субъектам (государственным должностным лицам, политическим корпорациям) правовую субстанцию. В качестве примера такого восприятия можно привести принцип непосредственного действия прав человека (ст. 18 Конституции РФ). Данный принцип на практике получил свое практическое воплощение в английской конституционной традиции, начало которой было положено в 1215 г., когда была принята «Великая хартия вольностей», ряд положений которой сохранили свою юридическую значимость («правовую жизнеспособность») вплоть до настоящего времени и, таким образом, в формальном плане являются практически «вневременными» и «надгосударственными» правовыми феноменами (Minakov, 2015).

В американской интерпретации формальное право, воплощенное в аутентичных неизменных текстах (к числу которых относится конституция), «оживает», тогда, когда эти тексты начинают интерпретировать юристы высшей квалификации – судьи

Верховного Суда США (Berlyavskij, 2014). По мнению В.И. Червонюка: «Именно практика Верховного Суда США проложила путь к конституционной герменевтике: таким образом Конституция перманентно обновляется, принимаемые Судом общие нормы (принципы) конституционного значения расширяют нормативное содержание Основного закона» (Chervonyuk, 2020). Таким образом, представление об американской конституции как о «живой», предполагает сочетание неизменного аутентичного текста «первороденной» конституции, «живущей» в качестве «правового откровения Отцов-основателей» и интерпретационной деятельности судей Верховного Суда, адаптирующих «священное конституционное писание» к изменяющимся жизненным реалиям.

В современном российском конституционном правопонимании, «живое» конституционное право в целом и «живая» конституция в частности, воспринимаются иначе чем в западноевропейской и североамериканской традициях. Отмечается, что: «Исходя из теории живой конституции (Living Constitution), содержание конституции не является статичным феноменом, а постоянно развивается под влиянием социальных изменений в обществе» (Salikov, Libanova & Ostapovich, 2019). Председатель КС РФ профессор В.Д. Зорькин полагает, что: «Заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям в рамках принятой в мировой конституционной практике доктрины «живой Конституции»⁵. Заявленная в «Концепции внешней политики РФ» характеристика Российской Федерации в качестве «самобытного государства-цивилизации», позволяет говорить о национальной (собственно российской) версии концепции «живой конституции» на базе которой формируется современное российское конституционное мировоззрение⁶. В данной концепции «жизнь» Конституции означает как возможность обновления ее текстуальной части (применительно к главам 3–8), так и смысловую коррекцию (в том числе, глав 1, 2, 9) «духа» конституционных норм судьями Конституционного Суда Российской Федерации. При этом вплоть до настоящего времени остается не решенным вопрос о возможности и юридической технике внесения изменений в преамбулу и второй раздел («Заключительные и переходные положения») конституционного текста.

Понимание «живой» Конституции РФ как юридической формы национального конституционного права, изменяемой как посредством законотворческой (главы 3–8, изменяются в порядке, предусмотренном для федеральных конституционных законов), так и интерпретационной деятельности органов конституционной судебной власти, влечет необходимость преодоления неопределенности в плане теоретической проблемы соотношения нормативных правовых и интерпретационных актов (актов официального нормативного толкования) (Lazareva, 2010), в комплексе

⁵ Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Жизнь партии. 17.10.2018. Режим доступа: <https://kprf-rd.ru/zhizn-partii/bukva-i-duh-konstitutsii> (дата обращения: 10.09.2023).

⁶ Термин конституционное мировоззрение был предложен экс-судьей Конституционного Суда Российской Федерации Н.С. Бондарем, полагающим, что: «Конституционное мировоззрение представляет собой сложное явление социальной действительности отражающее не только правовые, но и политико-идеологические, эмоционально-волевые, психологические, национально-культурные начала, действие которых, с одной стороны, непосредственно проявляется в общественных отношениях, составляющих предмет конституционного права, а с другой, предопределяется общественной практикой, которая по существу и выступает основой появления, развития, столкновения и преобразования социальных ценностей, воплощающих в себе основные характеристики конституционного мировоззрения и имеющих тенденцию к нормативному формализованному выражению» (Bondar', 2013).

формирующих феномен «живой» Конституции. Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации в обозначенном смысловом контексте, подобно творческому переводу стихов с одного национального языка на другой, приобретает свойства фактического «конституционного соавторства», по сути своей являющегося самостоятельным видом конституционного право- и законотворчества.

Заключение

Проблемы соотношения и определения главенства понятий «право» и «закон» являются областями, где конкретика юридических форм выражения права и юридические методы формирования и реализации права сливаются философско-правовым абстрагированием, что позволяет весьма свободно интерпретировать данные понятия с точки зрения российского юридико-лингвистического восприятия.

Метод циклического правогенеза является направлением научного исследования государства как системы политической организации населения и механизма публичной политической власти. За тысячелетнюю историю российской государственности обосновано выделение трех циклов политогенеза: монархический/имперский, советский республиканский, президентский республиканский. Указанные циклы представляют собой социокультурные явления, отличающиеся разными формами правления, приоритетами и ценностями, государственными и правовыми механизмами.

Концепция «живого» права традиционно рассматривается в контексте социологического взгляда на право. «Живая» Конституция Российской Федерации представляет собой гибкую юридическую форму конституционного права, которая может быть изменена как посредством законодательства, так и через толкование и применение Конституционным Судом, что вызывает важные теоретические вопросы относительно соотношения нормативных актов и прецедентов, определяющих содержание и интерпретацию Конституции. Из вышеизложенного следует, что проблематика конституционного права России включает в себя сложные вопросы взаимоотношения права и закона, понимания и трактовки конституции.

References / Список литературы

- Antonov, M.V. (2013) Eugen Ehrlich: living law versus legal pluralism? *Pravovedenie*. 1(306), 157–181. (in Russian).
Антонов М.В. Ойген Эрлих: живое право против правового плюрализма? // *Правоведение*. 2013. № 1(306). С. 157–181.
- Berlyavskij, L.G. (2014) Theoretical origins of the concept of a “living constitution” in the USA. *State Power and Local Self-government*. (11), 61–64. (in Russian).
Берлявский Л.Г. Теоретические истоки концепции «живой конституции» в США // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2014. № 11. С. 61–64.
- Bondar, N.S. (2013) At the root of the doctrine of “live” (real) national constitutionalism. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 4(93), 42–47. (in Russian).
Бондарь Н.С. У истоков доктрины «живого» (реального) отечественного конституционализма // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2013. № 4(93). С. 42–47.
- Pyin, V.N. (2018) Triad of S.S. Uvarov «Orthodoxy – Autocracy – Narodnost». *Altayskii vestnik gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhby*. (16), 33–35. (in Russian).
Ильин В.Н. Триада С.С. Уварова «Православие – Самодержавие – Народность» // *Алтайский вестник государственной и муниципальной службы*. 2018. № 16. С. 33-35.

- Kartashov, A.K. & Akopov, V.S. (2005) Who is the owner of the Russian land? *Journal of Russian Entrepreneurship*. 6(4), 8–12. (in Russian).
Карташов А.К., Акопов В.С. Кто хозяин земли русской? // Российское предпринимательство. 2005. Т. 6. № 4. С. 8–12.
- Kuliev, D.T. (2020) Sharia and Fiqh: Concept, Sources and Relation. *Islamovedenie*. 11(1), 13–25. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2020-11-1-13-25>. (in Russian).
Кулиев Д.Т. Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение // Исламоведение. 2020. Т. 11. № 1. С. 13–25. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2020-11-1-13-25>.
- Lazareva, V.A. (2010) On the question of the correlation of the act of official normative interpretation and the normative legal act. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2(12), 95–104. (in Russian).
Лазарева В.А. К вопросу о соотношении акта официального нормативного толкования и нормативно-правового акта // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2010. № 2(12). С. 95–104.
- Minakov, P.A. (2015) Magna Carta: Modern legal interpretation. *The Rule of Law State: Theory and Practice*. 3(41), 149–154. (in Russian).
Минаков П.А. Великая хартия вольностей: современное правовое прочтение // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3(41). С. 149–154.
- Romashov, R.A. (2016) The Constitution of the RSFSR of 1918 and its place in the system of sources of Soviet constitutionalism. *History of State and Law*. (22), 14–21. (in Russian).
Ромашов Р.А. Конституция РСФСР 1918 г. и ее место в системе источников советского конституционализма // История государства и права. 2016. № 22. С. 14–21.
- Romashov, R.A. (2020) *Politogenesis: Temple- Polis- State-State*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ. (in Russian). (in Russian).
Ромашов Р.А. Политогенез: Храм-Полис-Государство-State. Санкт-Петербург, Алетея, 2020. 300 с.
- Romashov, R.A. (eds.). (2021a) *Legal genesis: Tradition, will, law*. Batova, O.S., Bryleva, E.A. & Vetyutnev, Yu.Yu. et al. Saint Petersburg, Aleteiya Publ. (in Russian).
Правогенез: традиция, воля, закон / О.С. Батова, Е.А. Брылева, Ю.Ю. Ветютнев и др. / под ред. Ромашова Р.А. Санкт-Петербург, Алетея, 2021. 480 с.
- Romashov, R.A. (2021b) Importance in the context of cyclical politogenesis. *Current problems of state and law in the comparative legal aspect: collection of scientific articles*. Vitebsk, VSU named after P.M. Masherov, pp. 16–23. (in Russian).
Ромашов Р.А. Понятие государства в контексте циклического политогенеза // Актуальные проблемы государства и права в сравнительно-правовом аспекте: сборник научных статей. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. С. 16–23.
- Salikov, M.S., Libanova, S.E. & Ostapovich, I.Yu. (2019) Constitutional control rulemaking in the context of the doctrine of the living constitution. *Tomsk State University Journal*. (440), 219–230. (in Russian).
Саликов М.С., Либанова С.Э., Остапович И.Ю. Конституционно-контрольное нормотворчество в контексте доктрины живой конституции // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 219–230.
- Tarasov, I.P. (2010) On the question of the correlation of subjective and objective in law. *European Social Science Journal*. (2), 5–11. (in Russian).
Тарасов И.П. К вопросу о соотношении субъективного и объективного в праве // Европейский журнал социальных наук. 2010. № 2. С. 5–11.
- Chervonyuk, V.I. (2020) Transformation of the idea of a “living constitution” in Russian constitutional practice. *Law and state: theory and practice*. 2(182), 124–128. (in Russian).
Червонюк В.И. Трансформация идеи «живой конституции» в российской конституционной практике // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2(182). С. 124–128.

Сведения об авторах:

Ромашова Мария Романовна – преподаватель-методист кафедры конституционного и административного права Северо-Западного института управления (филиал РАНХиГС); 199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43

ORCID ID: 0009-0003-0504-5822; SPIN-код: 7179-0556

e-mail: 7029807@mail.ru

Панченко Владислав Юрьевич – доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции; 117638, РФ, г. Москва, ул. Азовская, 2/1; главный научный сотрудник, Сибирский федеральный университет; 660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр. Свободный, 79; профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38/1; главный научный сотрудник, Московский университет им. А.С. Грибоедова; 105066, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новая Басманная, д. 35/1; главный научный сотрудник научно-исследовательского института, ФСИН России; 125130, Российская Федерация, г. Москва, ул. Нарвская, 15а/1

ORCID ID: 0000-0003-3303-2941; SPIN-код: 5096-0428

e-mail: panchenkovlad@mail.ru

About the authors:

Maria R. Romashova – Teacher-methodologist of the Department of Constitutional and Administrative Law of the North-West Institute of Management, RANEPА branch; 57/43 Sredny ave. V.O., Saint Petersburg, 199178, Russian Federation

ORCID ID: 0009-0003-0504-5822; SPIN-code: 7179-0556

e-mail: 7029807@mail.ru

Vladislav Yu. Panchenko – Doctor of Legal Sciences, head of the Department of Theory, History of State and Law of All-Russian State University of Justice; 2/1 Azovskaya str., Moscow, 117638, Russian Federation; Chief Researcher of the Moscow University named after A.S. Griboyedov; 35/1 Novaya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation; Chief Researcher of the Siberian Federal University; 79 Svobodny ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of Moscow State Linguistic University; 38/1 Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russian Federation; Chief Researcher of Moscow University named after A.S. Griboyedov; 35/1 Novaya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation; Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; 15a/1 Narvskaya str., Moscow, 125130, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-3303-2941; SPIN-code: 5096-0428

e-mail: panchenkovlad@mail.ru